

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Манойло А.В.

В последнее время мы всё чаще слышим, что «коллективный Запад» развязал против России беспрецедентную гибридную войну. Об этом заявляет и Президент Российской Федерации В.В. Путин, и министр иностранных дел С.В. Лавров. Важнейшей составляющей гибридной войны является информационная война, предназначенная для подавления и подчинения воли противника. В информационных войнах противника, как правило, физически не уничтожают – его превращают в раба, послушного исполнителя своей воли, внушая, что это и есть истинная цель его существования. Выработавших свой ресурс пособников (агентуру спецслужб, «добровольных помощников», которых немецкие нацисты называли «хиви»), как правило, утилизируют.

Современные информационные войны представляют собой особый вид вооружённого конфликта, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций, сопровождающихся применением информационного оружия – особого класса технологий, предназначенных для поражения психики человека, в том числе через скрытое управление его высшей нервной деятельностью. Отсюда следует, что информационные войны бывают только в отношениях между государствами – в сфере международных отношений и внешней политики, и никогда – в политике внутренней (исключение составляют гражданские войны и цветные революции). При этом цель любой информационной войны полностью совпадает

с целью войны классической – это обеспечение военного поражения противника.

В свою очередь, информационные операции представляют собой оперативные комбинации спецслужб на каналах открытых телекоммуникационных сетей. Это операции разведок, представляющие собой сплав четырех групп методов:

- 1) классических методов оперативной и агентурной деятельности;
- 2) оперативно-технических методов;
- 3) оперативно-розыскных методов;
- 4) технологий информационно-психологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан, технологий скрытого управления сознанием и поведением человека и каналов доведения управляющего информационного воздействия до целевых аудиторий.

Причём на новейшие методы и технологии информационного воздействия на практике приходится не более 20% от всего объёма операции; таким образом, по своей сути «информационные операции» только называются информационными; по своим методам они продолжают оставаться классическими разведывательными операциями, которые могут закончиться и физическим устранением (ликвидацией) объекта разведывательного интереса – в том случае, если он не поддается управляющему воздействию и не желает добровольно подчиниться. В современном мире информационные операции остаются полем боя рыцарей плаща и кинжала, способных «достать» своего противника в сердце или в печень стилетом, сильнодействующим ядом или постом в телеграмм-канале.

Тактика современных информационных операций, при всей своей кажущейся сложности и непостижимости, на самом деле чрезвычайно проста: «зацепить» объект воздействия (как правило, им выступает лицо, облечённое высшей государственной властью),

вывести его на эмоции и заставить под влиянием этих эмоций метаться в поисках выхода или спасения. Если жертва начинает метаться, её ловят на обязательно совершаемых ею ошибках и ещё сильнее сжимают удавку на шее. Если жертва впадает в ярость и начинает яростно отрицать свою причастность к приписываемым ей действиям, поступкам или фактам, попутно оправдываясь, её последовательно ловят на лжи, припирая к стенке или загоняя в угол, из которого выход может быть открыт только на условиях «загонщика». По этой схеме сегодня построены все без исключения информационные операции американской разведки, включая проводимые «под чужим флагом»; этому же принципу стремятся следовать и российские специалисты информационных операций, создав на этой платформе собственную тактику проведения информационных операций и контропераций – так называемую тактику «работы в условиях неожиданных вводных». Эта тактика появилась у российских специалистов всего около 6–8 месяцев назад и уже прошла успешную апробацию «в полевых условиях» (в прямом соприкосновении с противником); она в определённых условиях превосходит американскую (хотя и родственна ей по базовым принципам и приёмам ведения информационной войны) и позволяет переигрывать разведки США на их же собственном поле. Сама же тактика «неожиданных вводных» заключается в том, что противник не должен уметь предугадать, с какого именно направления придёт очередной информационный удар и каким он будет; каждый новый удар должен быть для него полной неожиданностью и всегда заставать врасплох; ни один новый удар не должен быть похож на предыдущий, и все это вместе должно все время держать противника в напряжении и растерянности (или непрерывного изумления).

Российский опыт ведения информационных войн сегодня весьма разнообразен и непрерывно пополняется новыми приёмами, методами, технологиями воздействия на противника, доказавших

свою эффективность в реальных боевых условиях – в первую очередь, в специальной военной операции на Украине. Сегодня ни для кого не секрет, что СВО стала для российских разработок в сфере информационных операций и стимулом для разработки новых форм и методов, и уникальным испытательным полигоном для отработки этих методов на практике. Всё это вместе в совокупности должно было обеспечить исторический «эволюционный взрыв», технологическую революцию, новый этап в «покорении» глубинной «темной», не управляемой сознанием психики человека. Тем удивительнее осознавать, что это так и не произошло: напротив, начало СВО было связано не с прогрессом технологий информационного воздействия, а их архаизацией. Считая, что СВО продлится считанные дни или недели (вспомним «Киев за три дня»), тонкие и сложно устроенные, как швейцарский часовой механизм, операции разведок в один миг оказались на периферии; их место заняла специальная пропаганда, дающая результат «в моменте» – здесь и сейчас, немедленно, и фейки. Видимо, генералы информационных войск считали, что, пока разведки спланируют и запустят свою оперативную комбинацию или игру, СВО кончится, поэтому нужны инструменты, которые стороны «успеют» применить по противнику. То есть в начале СВО произошла деградация форм и методов ведения информационных войн – да так, что на горизонте реально замаячил новый «каменный» век.

Следуя заданному новым каменным веком трендом на деградацию, в информационное пространство ринулись фейки – примитивные, слепленные буквально на коленке, но продавливающие любую оборону своей массовостью. В самих фейках тоже наблюдалась деградация – видно было, что ради количества пожертвовали качеством. Но это на первом этапе СВО сработало: все российские специалисты, хоть краем уха слышавшие об информационной войне, массово бросились «ловить и разоблачать» украинские фейки, радостно отчиты-

ваясь друг перед другом и перед своим начальством о «разоблачённых вбросах». Туда же ринулись и те немногие, кто знал, что такое информационные операции: считать и трендеть о фейках на федеральных каналах и в телегах оказалось проще, чем участвовать в сшибке спецслужб, перехватывая их информационные операции. Увидев это, разведки США с довольным видом «выдохнули» и безнаказанно провели провокацию в Буче, развернув вокруг неё в информационном пространстве целую многоходовую оперативную игру. В нужный момент противостоять этой игре оказалось некому.

Однако к концу 2022 года, когда стало понятно, что СВО – надолго, информационные операции снова начали возвращаться в логосферу соперничества великих держав (России и США); именно по законам ведения оперативных игр «оживилась» история с подрывами Северных потоков, в которых ЦРУ вбрасывала управляющую информацию (и дезинформацию) через авторитетного и почти всеми уважаемого Хёрша, которым манипулировали «втемную»; голландская разведка, о существовании которой ранее не слышали даже голландцы, неожиданно ловит как минимум одного российского разведчика-нелегала при попытке устроиться на работу в Международный уголовный суд; интервью предателя и перебежчика Глеба Каракулова, сфабрикованное экстремистом Ходорковским, становится каналом передачи указаний возможным сообщникам Каракулова, до сих пор служащим в ведомстве, из которого он сбежал; в целях террора (и реального, и информационного) активно используются карательные формирования, создаваемые СБУ из граждан России, вставших на путь измены Родине; даже крушение 4 февраля транспортного самолета российских ВКС ИЛ-76, перевозивших украинских пленников, предназначенных для обмена, расценивается как информационный повод, которым сначала пытаются напугать Россию (типа, вот она – успешная диверсионная операция на российской территории), а потом пугаются сами (когда выясняется, что на

самолете было 65 украинских пленных, предназначенных для обмена). В ответ Россия организовывает приезд Такера Карлсона в Москву, продемонстрировав всему миру великолепный пример использования в своих целях информационно-коммуникационной структуры нашего главного геополитического противника – США. Но этого всё равно недостаточно.

Пройдя через все испытания 2022 года, когда настоящим ночным кошмаром стали нескончаемые потоки фейков, которые просто не успевали ловить, теряя контроль над ситуацией, и 2023 года, в котором в тренде оказались телефонный терроризм, поджоги военкоматов и попытки перенесения боевых действий на российскую территорию (с целью демонстрации беспомощности власти), в 2024 год мы вошли, все так же имея перед собой очень серьезного и очень системно организованного противника, имеющего собственную систему центров психологических операций, организованную в подвижную сетевую структуру, и систему подготовки кадров. У нас же, на третьем году Специальной военной операции, по-прежнему нет ни того, ни другого. Поэтому 2024 год станет для нас годом, когда эта система у нас появится.